

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Рукописные материалы к роману «Преступление и наказание» свидетельствуют о том, что основным импульсом в работе над ним послужила газетная хроника. В комментариях к роману систематизированы некоторые материалы этой хроники. В частности, здесь отмечено, что Достоевский мог обратить внимание на стенографический отчет из газеты «Голос» по делу об убийстве «купеческим сыном» Герасимом Чистовым двух старух — кухарки и прачки (7, 332). Действительно, по своим внешним атрибутам (убитые — «старухи», т. е. женщины; орудие убийства — топор; время убийства — 8—9 часов вечера и т. п.) совершенное Чистовым убийство могло дать ряд штрихов для изображения некоторых обстоятельств преступления Раскольникова. Но обращают внимание и следующие слова из сентябрьского письма Достоевского к М. Н. Каткову: «В повести моей есть <...> намек на ту мысль, что налагаемое юридическое наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти и потому, что *он и сам его нравственно требует*¹ <...> Выразить мне это хотелось именно на развитом, на нового поколения человеке, чтобы была ярче и осязательнее видна мысль. Несколько случаев, бывших в самое последнее время, убедили, что сюжет мой вовсе не эксцентричен, именно что убийца развитой и даже хороших наклонностей молодой человек...» (28₂, 137).

Один такой «случай», оставшийся неотмеченным и произошедший именно «в самое последнее время», т. е. 8 сентября, и именно с «развитым» и с «хорошими наклонностями» молодым человеком, 19-летним грузинским князем, о котором рассказывалось в сентябрьских—октябрьских номерах «Голоса», мог, как будет показано ниже, действительно подразумеваться Достоевским в цитированных словах из письма к Каткову,

Первое сообщение об этом случае появилось в № 249 «Голоса» за 9 сентября 1865 г. в разделе «Петербургские отметки». Вспомним в связи с этим сцену из романа, в которой Раскольников, придя в трактир «Хрустальный дворец» и спросив чаю и «газет, старых, этак дней за пять сряду», читает «Излер — Излер — Аптеки — Аптеки — Излер — Бартола — Массимо <...> А! вот отметки...» (6, 124). Под словом «Отметки» здесь подразумевается раздел «Голоса» «Петербургские отметки» (именовав-

¹ Курсив наш. — Т. О.

пийся и просто «Отметками»). 9 сентября в этом разделе было сообщено, что «убит г. Бек и его кухарка. Цель убийства, как полагают из слухов, — грабеж. Бек занимался отдачею денег под ручные залого. Из рассказов о том, кто должны быть убийцы, можно вывести заключение, что преступление это совершено или ловкими мошенниками с помощью переодевания, или самыми дерзкими убийцами, хорошо знавшими убитого и имевшими с ним постоянные сношения». (Это уже не старухи — прачка и кухарка из процесса Герасима Чистова).

30 сентября в № 270 «Голоса» появилось более подробное сообщение о самом убийце. Им оказался «князь Микеладзе (первоначально его имя было искажено: Михеладзи) 19 лет, служивший до 15 августа в собственном конвое». После краткого рассказа о самом убийстве было отмечено, что, убив Бека и его служанку, Микеладзе «оторвал часть листа, на котором было написано (Беком. — Т. О.) до половины его имя, и отправился в комнату, где были заложенные вещи. Здесь он взял шубу, несколько часов и несколько других предметов, с которыми и скрылся, но во время кражи оставил оторванный листок бумаги с половиною его имени, послуживший к открытию преступника».

Особенно, думается, должно было заинтересовать Достоевского следующее, еще более подробное газетное сообщение от 6 октября. Здесь рассказывалось и о результатах обыска в квартире князя («... в печке и под железным листом перед печкою, а также на самой печке, были найдены несколько кусков оберточной бумаги, с кровавыми пятнами, и некоторые вещи...») и о том, что, несмотря на факты, Микеладзе сначала «упорно <...> ни в чем не сознавался», но потом, под влиянием «убеждений, продолжавшихся несколько часов», он «будучи потрясен нравственно, упал пред образом на колени, стал молиться и, заплакав, объявил, что убийство Бека и Леонтьевой совершил он <...> показал: 7-го сентября, в восемь часов вечера, он зашел к Беку, с тем, чтоб выкупить у него свое ружье, заложенное ему еще в декабре 1864 года за шесть руб. сер. Когда Микеладзе стал требовать это ружье, Бек не хотел ему отдавать оное иначе как за двенадцать руб. На возражение Микеладзе, что это дорого, Бек начал его ругать мазуриком и говорил: «вы все такие, я тебя отправлю в часть». Микеладзе тогда еще не рассердился, а продолжал говорить, что он не столько виноват в медленности выкупа ружья, так как он лежал в госпитале четыре месяца <...>, при этом стал предлагать ему свои серебряные патроны и восемь руб., с тем, чтоб взять ружье и потом уже принести те четыре руб., которые Бек непременно требовал. Бек стал говорить ему, что патроны его не стоят и рубля и что он и ружьем надул его, потому что оно не стоит тех денег, которые он дал за него. Все вышесказанное Бек говорил сидя за столом и уже согласился было взять патроны за 2 р. и начал записывать заклад в книгу, как в это время вышла из кухни женщина Леонтьева и начала говорить Беку, чтоб он не брал патронов, что они не стоят тех денег, которые он дает за них, что эти

патроны, точно так же как и ружье, останутся у Бека на руках, что их никто не купит; при этом кричала, чтоб Бек лучше отправил его в часть, если он не хочет платить 12 руб. за выкуп ружья, и ругала его, Микеладзе, мазуриком и проч. Тогда и Бек, сидевший за письменным столом, с карандашом в руках, начал ругать его и грозил отправить в часть. В это время Леонтьева ушла обратно в кухню. Все ругательства он, Микеладзе, выносил до тех пор, пока Бек не стал ругаться непристойными словами. Тогда Микеладзе не вынес оскорбления и, в беспамятстве, выйдя совершенно из себя, выхватил из пожен кинжал, ударил им Бека по шее. Бек упал на пол, не испустив ни крика, ни стона, причем упал на стул, на тот ли, на котором сидел Бек, или другой, стоявший рядом, не помнит. На шум падения Бека вбежала в комнату Леонтьева и бросилась на Микеладзе, но, увидя кинжал, убежала из комнаты с криком. Микеладзе хотел поскорее уйти из квартиры, но услышав, что Леонтьева продолжала кричать в кухне, пошел туда. Женщина эта стояла в дверях кухни, с подсвечником в руках. С первого же удара, который Микеладзе нанес ей, подсвечник у ней выпал из рук, а затем остальные удары он наносил в темноте. Леонтьева кричала под ударами, и сп только тогда ее бросил, когда она перестала кричать. После того Микеладзе возвратился в комнату, где лежал Бек, взял у него со стола бумажник, в котором денег вовсе не было, а только одни бумаги, и, не осматривая тех бумаг, бросил его на пол; потом пошел в спальню, вынул из стоящего там шкафа несколько вещей и, завернув их в свой собственный носовой платок, отправился в другую комнату, взял там шубу <...> По дороге, сидя на извозчике, <...> бросил книжку в канаву <...> При этом Микеладзе пояснил, что после того, как убил в кухне жену мещанина Леонтьева и возвратился в комнату, где лежал убитый Бек, он вырвал листки из записной книги Бека, потому, что на одном из них Бек начал записывать его фамилию. Что он сделал с этими листками, не помнит. Возвратясь же домой, в 9 часов вечера, узелок с вещами Бека положил под диван <...> на другой день <...> некоторые вещи положил в печку, другие на печку, носовой же платок взял опять к себе. Брошка с цепочкою и булавкою, которая у него отобрана при обыске, взята им из числа вещей, принадлежащих Беку».^{1а}

В этом сообщении обращают на себя внимание некоторые детали, близкие к тексту романа. Микеладзе совершает убийство «невольно», не вынеся оскорблений ростовщика. В черновиках же к роману Достоевский в несколько приемов разрабатывает аналогичный мотив («Исповедь, рассказ об убийстве: „Я этого сам не ожидал“, и все время рассказа следует как бы удивление, как бы удивление со стороны. И потом полное осуждение себя» — 7, 138); «Убийство совершается почти нечаянно. „Я этого сам не ожидал“» (7, 139) «...и до того всё это нечаянно сделалось»

^{1а} Голос, 1865, 6 окт., № 276.

(7, 146); рассказ Микеладзе, «нравственно потрясенного» и упавшего «перед образом на колени», действительно близок к «исповеди» (может быть, не случайно именно в середине октября в черновиках появляется первое заглавие: «Исповедь» — 7, 92), замененное, правда, потом на другое «Под судом» (7, 96), а еще позднее на «Рассказ преступника» (7, 144). Как отмечалось выше, в сообщениях «Голоса» проскользнула деталь с ключком из блокнота ростовщика, где было записано имя закладчика. В романе также упоминается «бумажка» с записанным на ней именем Раскольников. И «ключок» в деле Микеладзе и «бумажка» в романе послужили одной из улик для разоблачения преступника. И наконец, омерзительная фигура ростовщика Бека, «французского подданного»,² ругающего гордого и конечно же страдающего от бедности князя (он был ко времени обращения к Беку «выключен» из конвоя, как Раскольников «выключен из студентов») «непристойными словами», не могла не обратить внимания Достоевского, вынужденного неоднократно прибегать к «помощи» ростовщиков. Характерен сохранившийся среди бумаг А. Г. Достоевской автограф писателя — список, в котором сам писатель сводит вместе имена нескольких ростовщиков, с которыми он имел дело только в 1865—1866 гг. Вот этот документ:

«Заложенные вещи

у г-на Готфрифта

Булавка золотая вид „Рак“ за 10 р. сер. проц. 5 к. с 2 апреля 1865 г. по 2 февраля 1866 (19 мес) = 15 р. сер.

Золотая бриллиантовая булавка за 10 р. сер. проц. 5 к., с 20 апреля 1865 г. по 20 февраля 1866 (10 мес.) = 15 р. сер.

Муж часы с цепью за 38 р. проц. 5 к. с 15 октября 1865 г.³ по 15 февраля (4 мес) = 45 р. 70 к.

Мягкое серебро за 20 р. проц. 5 к. с 10 июня 1865 г. по ...

Заложены запонки за 2 р. процентов 5 к. с 15 января 1866 гг. по ...

Через Прасковью Петровну⁴

Заложена меховая шубка за 50 р, проц. 5 к. с 25 апреля 1865 г. по 25 января 1866 (9 мес) = 72 р. 50 к.

Ватное пальто за 10 р. сер. проц. 5 к. с 20 мая 1865 г. по 20 февраля 1866 г. (9 мес) = 14 р. 50 к.

У Эриксан

Заложены серебряные ложки за 15 р. сер. проц. 5 к. с 15 мая 1865 г. по 15 февраля 1866 г. (9 мес) = 21 р. 75 к. сер.

² Голос, 1865, 30 сент., № 270.

³ В этот день Достоевский вернулся из-за границы.

⁴ Прасковья Петровна Аникеева — это мать сына М. М. Достоевского Вани; и мать и сын неоднократно упоминаются в письмах писателя 1860-х гг.

У г. Павлова

Заложены две вазы за 5 р. сер. проц. 7 к. с 6 октября 1865 г. по 6 февраля 1866 (4 мес) = 6 р. 40 к.

Конец» (ИРЛИ, № 30734, л. 128 об.).

В связи с темой ростовщичества в «Преступлении и наказании» (и в связи с собственным «опытом», отразившимся в приведенном документе) Достоевского могла заинтересовать напечатанная в «Голосе» осенью 1865 г. статья «О размножении в Санкт-Петербурге ростовщиков»: «Большая часть из них, выдавая ссуду под вещь, вычитают вперед проценты и берут с заемщика расписку в том, что вещь не заложена, а продана без выдачи от себя какого-либо в приеме вещи удостоверения, по которому закладчик имел бы право надеяться на возвращение ему залога, или мнимо-проданного имущества, по уплате занятых денег. <...> закладыватель должен безусловно положиться на честность и добросовестность ростовщика, что далеко не всегда успокоительно. Не соглашаться на эту сделку конечно можно, но тогда надо отказаться от займа, что иногда одно и то же, что отказаться от пищи. Таким образом ростовщик делается господином вещи и может ею воспользоваться совершенно безнаказанно <...> Изворотливый ростовщик не стесняется ничем: он или не окажется дома, или просто-напросто на своих часах переведет стрелку и, принявши заемщика, прехладнокровно объявит ему: что срок на выкуп уже пропущен, и заклад им продан с полчаса назад, и т. п. Как это ни грубо, как это ни пошло, но это практикуется сплошь и рядом».⁵

Приведенные фрагменты из статей «Голоса» дополняют другие аналогичные материалы, собранные В. В. Даниловым, Г. Ф. Коган и другими исследователями и суммированные в комментарии к роману в т. 6 Полного собрания сочинений.

⁵ Голос, 1865, 25 окт., № 326.